

Пřílohy

1.

- „*Kdyby byl bejval tlustější, tak by ho jistě už dřív ranila mrtvice, když honil ty báby na Konopišti, když tam v jeho revíru sbíraly roští a houby, a nemusel zemřít takovou hanebnou smrtí. Když to povážím, strýc císaře pána, a voni ho zastřelejí. Vždyť je to ostuda, jsou toho plný noviny. U nás před léty v Budějovicích probodli na trhu v nějaké takové malé hádce jednoho obchodníka s dobytkem, nějakého Břetislava Ludvíka. Ten měl syna Bohuslava, a kam přišel prodávat prasata, nikdo od něho nic nekoupil a každý říkal ‚To je syn toho probodnutýho, to bude asi také pěkněj lump.‘ Musel skočit v Krumlově z toho mostu do Vltavy a museli ho vytáhnout, museli ho křísit, museli z něho pumpovat vodu a von jim musel skonat v náručí lékaře, když mu dal nějakou injekci.“ (I, 18–19)*

Překlady:

- «Если бы он был толще, то его уж давно бы хватил кондрашка, ещё когда он в Конопиште гонялся за старухами, которые у него в имении собирали хворост и грибы. Будь он толще, ему бы не пришлось умереть такой позорной смертью. Ведь подумать только – дядя государя императора, а его пристрелили! Это же позор, об этом трубят все газеты! Несколько лет назад у нас в Будейовицах на базаре случилась небольшая ссора: проткнули там одного торговца скотом, некоего Бржетислава Людвика. А у него был сын Богуслав, – так тот, бывало, куда ни придёт продавать поросят, никто у него ничего не покупает. Каждый, бывало, говорил себе: «Это сын того, которого проткнули на базаре. Тоже небось порядочный жулик!» В конце концов довели парня до того, что он прыгнул в Крумлове с моста во Влтаву, потом пришлось его оттуда вытаскивать, пришлось воскрешать, воду из него выкачивать... И всё же он помер на руках у доктора, после того как тот ему впрыснул чего-то» (Р. Bogatyřjov).
- «Если бы Фердинанд был хоть чуточку толще, так его давно бы уже хватил кондратий. Конечно, хватил бы, еще в те поры, когда он в Конопиште за старухами гонялся, которые у него в имении хворост и грибы собирали. Будь он потолще, так и смертью такой позорной ни за что не умер бы. Ведь надо же такому случиться, чтобы не кого-нибудь, а родного племянника самого

государя императора пристрелили! Позор! Об этом уже все газеты трубят! Несколько лет назад у нас в Будейовицах случилась небольшая ссора: прямо на базаре зарезали одного торговца скотом. А у него еще сын остался. Тот, бывало, привезет поросят продавать, так никто у него ничего не берет. Оно и понятно, потому что каждый себе и говорил: «А, так это сын того самого торговца, которого на базаре, как свинью, зарезали. Такой же небось жулик!» В общем, довели парня до того, что он сиганул с моста во Влтаву. Потом его из реки пришлось вылавливать, оживлять, воду из него выкачивать ... А закончилось все тем, что он на руках у доктора помер, после того как тот ему вколол чего-то» (V. Lavrovová a A. Fjodorov).

- «если бы он был толще, то его хватил бы паралич уже тогда, когда он гонял баб, что собирали в его лесах в Конопиште грибы и хворост. Тогда ему не пришлось бы умирать такой позорной смертью. Ведь подумать: родной зятя государя императора, а они его застрелили! Да ведь это скандал! Об этом пишут все газеты. Несколько лет тому назад у нас в Будейовицах на рынке зарезали одного торговца скотом, некоего Братислава Людвига. У него был сын Богуслав, а вот этот сын, куда бы он ни пришел предлагать поросят, везде получал отказ. Каждый говорил: «А, это сын того самого зарезанного, он, наверное, тоже такой негодяй!» Ну, и в результате он вынужден был броситься в Крумлове с моста в Молдаву, и его должны были вытаскивать, воскрешать, выкачивать из него воду, и несмотря ни на что он скончался на руках врача, когда тот делал ему какое-то впрыскивание» (M. Skačkov).

2.

- *“Švejek díval se na celou komisi s božským klidem nevinného dítěte. Vrchní štábní lékař přistoupil těsně k Švejkovi: „To bych rád viděl, vy mořské prase, co si asi teď myslíte.” „Poslušně hlásím, že já vůbec nemyslím.” „Himldonrvetr,” hulákal jeden z členů komise, břinkaje šavlí, „tak von vůbec nemyslí. Pročpak, vy jeden siamskej slone, nemyslíte?” „Poslušně hlásím, že já proto nemyslím, poněvadž je to na vojně vojákům zakázáno. Když jsem byl před léty u 91. regimentu, tak nám náš pan hejtman vždycky říkal: „Voják nesmí sám myslet. Za něho myslí jeho představení.*

Jakmile voják začne myslet, už to není voják, ale nějakéj prachvšivej civilista. Myšlení nevede...“ (I, 105)

Překlady:

- «Швейк глядел на всю комиссию с божественным спокойствием невинного ребёнка. Старший штабной врач вплотную подступил к нему. – Хотел бы я знать, о чём вы, морская свинья, думаете сейчас? – Осмелюсь доложить, не думаю ни о чём. – Himmeldonnerwetter! – заорал один из членов комиссии, бряцая саблей. – Он таки вообще ни о чём не думает! Почему же вы, сиамский слон, не думаете? – Осмелюсь доложить, потому, что на военной службе этого не полагается. Когда я несколько лет назад служил в Девяносто первом полку, наш капитан всегда нам говорил: «Солдат не должен думать, за него думает его начальство. Как только солдат начинает думать, это уже не солдат, а так, вшивая дрянь, шляпа. Размышления никогда не доводят...»» (P. Vogatyřjov).
- «Швейк взирал на членов комиссии с благочестивым спокойствием кроткого агнца. Старший штаб-врач подступил к нему чуть-ли не вплотную. – Хотелось бы мне знать, над чем это вы сейчас, свинья морская, раздумываете? – Осмелюсь доложить, ни над чем. – Черт возьми! – завопил другой член комиссии, бряцая палашом. – Значит, вообще ни о чем не думаете! И почему же это, слон вы сиамский, ни о чем не думаете? – Осмелюсь доложить, господин военный врач, потому что на военной службе делать этого не полагается. Когда я служил в 91-м полку, наш капитан всегда нам говорил: «Солдат не имеет права думать, за него думают его командиры. Стоит только солдату начать думать, как он превращается в шляпу и вшивую дрянь. Размышления никого еще не довели...»» (V. Lavrovová a A. Fjodorov).
- «Швейк смотрел на всю комиссию с божественным спокойствием невинного ребенка. – Мне хотелось бы знать, о чем вы, морская свинья, сейчас думаете? – спросил старший врач, подступив вплотную к Швейку. – Так что, ваше благородие, я вовсе не думаю. – Чорт побери! – закричал один из членов комиссии, гремя саблей. – Так он вовсе не думает! А почему вы, лопоухий слон, ничего не думаете? – Не думаю я потому, ваше благородие, что думать нижним чинам на военной службе запрещается. Когда я служил в 91-м полку, так нам наш командир всегда говорил: «Солдат не смеет думать. За него думает его начальство. Как только солдат начнет думать, то он уже не солдат,

a паршивая штатская шляпа. Размышление не доведет до добра...» (M. Skačkov).

3.

- „*Poslušně hlásím,*” ozval se dobrácký hlas Švejkův, „*že jsem zde v garnizónu jako nalezenec.*” „*Jak to myslíte?*” „*Poslušně hlásím, že to mohu vysvětlit náramně jednoduchým způsobem. U nás v ulici je uhlíř a ten měl úplně nevinného dvouletého chlapečka a ten jednou se dostal pěšky z Vinohrad až do Libně, kde ho strážník našel sedět na chodníku. Tak toho chlapečka odved na komisařství a zavřeli je tam, to dvouletý dítě. Byl, jak vidíte, ten chlapeček úplně nevinnej, a přece byl zavřenej. A kdyby byl uměl mluvit a někdo se ho ptal, proč tam sedí, tak by taky nevěděl. A se mnou je něco podobnýho. Já jsem taky nalezenec.*” (I, 126)

Překlady:

- «– Осмелюсь доложить, – прозвучал наконец добродушный голос Швейка, – я здесь, в гарнизонной тюрьме, вроде как найдёныш. – Что вы имеете в виду? – Осмелюсь доложить, я могу объяснить это очень просто... На нашей улице живёт угольщик, у него был совершенно невинный двухлетний мальчик. Забрёл раз этот мальчик с Виноград в Либень, уселся на тротуаре, – тут его и нашёл полицейский. Отвёл он его в участок, а там его заперли, двухлетнего ребёнка! Видите, мальчик был совершенно невинный, а его всё-таки посадили. Если бы его спросили, за что он сидит, то – умеи он говорить – всё равно не знал бы, что ответить. Вот и со мной приблизительно то же самое. Я тоже найдёныш» (P. Vogatyřov).
- «– Осмелюсь доложить, господин поручик, – раздался наконец добродушный голос, – я у вас вроде как подкидыш или найденыш какой-нибудь. – Ну, и что же это, по-вашему, должно значить, любезный? – Осмелюсь доложить, господин следователь, означает это очень даже простую вещь... Позвольте объяснить: на моей улице по соседству со мной живет один угольщик, так вот, когда его малышу было два годика, то забрел он на другой конец города, само собой, заблудился – сел на тротуар и хнычет. Вот тут-то его и подобрал полицейский и в участок отвел, а там куда его денешь? Вот и заперли его – это двухлетнего-то ребенка! То есть я имею в виду, что мальчик был совершенно ни в чем не виноват, а его все равно посадили. Спроси его, за что, мол, сидишь, так он бы и не ответил, даже если бы говорить умел. Приблизительно такая же история произошла и со мной. Так что в этом

смысле я тоже найденыш или подкидыш – это уже, как вам, господин поручик, угодно будет» (V. Lavrovová a A. Fjodorov).

- «– Осмелюсь доложить, – отозвался Швейк. – я попал в эту тюрьму, как найденыш. – Что вы хотите этим сказать? – Осмелюсь доложить – я могу объяснить это очень просто. У нас на улице живет угольщик. И вот у этого угольщика был совершенно невинный двухлетний мальчик. И раз этот мальчик зашел с Виноградов в Либень, где его подобрал полицейский, отвел в отделение и запер там, несмотря на то, что ему было всего два года. Вы видите, что этот ребенок был ни в чем неповинен, и все-таки его арестовали. И если бы даже он умел говорить и его спросили бы, за что его арестовали и посадили, то он ничего не смог бы ответить. Вот так и я. Не знаю, как все это стряслось со мной. Я тоже такой найденыш» (M. Skačkov).

4.

- *„Mně je, jako by mne někdo zmlátil,“ stěžoval si polní kurát, „potom mám žízeň. Nepral jsem se včera?“ „Nebylo to tak nejhorší, pane feldkurát. Žízeň je následkem včerejší žízně. Z toho se člověk nedostane tak brzy. Znal jsem jednoho truhláře, ten se ponejprv opil na Silvestra roku 1910 a prvního ledna ráno měl takovou žízeň a bylo mu tak špatně, že si koupil herynka a pil znovu, a to tak dělá denně už po čtyry roky a nikdo mu nepomůže, poněvadž si vždycky v sobotu koupí herynky na celej tejden. Je to takovej kolotoč, jako říkal jeden starej šikovatel u 91. pluku.“ (I, 153)*

Překlady:

- «– У меня такое ощущение, будто меня избили, – жаловался фельдкурат, – и потом жажда. Я вчера не дрался? – До этого не доходило, господин фельдкурат. А жажда – это из-за жажды вчерашней. От неё не так-то легко отделаться. Я знал одного столяра, так тот в первый раз напился под новый тысяча девятьсот десятый год, а первого января с утра его начала мучить жажда, и чувствовал он себя отвратительно, так что пришлось купить селёдку и напиться снова. С тех пор он делает это каждый день вот уже четыре года подряд. И никто не может ему помочь, потому что по субботам он покупает себе селёдок на целую неделю. Такая вот карусель, как говаривал наш старый фельдфебель в Девяносто первом полку» (P. Vogatyřjov).

- «– Какое-то странное ощущение, будто меня вчера избили, – кряхтел фельдкурят, – и еще эта жажда. Скажите, я вчера ни с кем не подрался? – До этого, слава Богу, дело не дошло, господин фельдкурят. А жажда ваша происходит из-за жажды вчерашней, причем так просто отделаться от нее не удастся. У меня был один знакомый столяр, так он, дай Бог памяти, напился в первый раз под новый тысяча девятьсот десятый год, а аккурат с утра, первого января, начала его мучить жажда и вообще самочувствие было отвратительным. Тогда он купил селедку и опять напился. И так каждый день – вот уже четвертый год пошел. Помочь ему не может никто, даже доктора, потому как по субботам берет он себе селедок на целую неделю. Такая вот пошла свистопляска, как говаривал наш старый фельдфебель, когда я служил в 91-м полку» (V. Lavrovová a A. Fjodorov).
- «– Я чувствую себя так, словно меня всего избили, – жаловался курят, – а потом мне страшно хочется пить. Не дрался ли я вчера с кем-нибудь? У меня все болит. – Можно сказать, что нет, господин курят. А жажда – это результат вчерашней жажды. От нее человек не может отделаться так скоро. Я знал одного столяра, так тот в первый раз напился на новый 1910 год, и на следующий день первого января утром его стала мучить такая жажда, и было вообще так плохо, что он пошел купил себе селедку, поел и стал пить снова. И так каждый день, в течение четырех лет. А теперь никто не может ему помочь, так как он всегда в субботу закупает селедок на целую неделю. И получается эдакая карусель, как говорил наш старый фельдфебель в 91-м полку» (M. Skačkov).